

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 40 СЕНТЯБРЬ 1973

Николай ЕСЕЛЕВ

В 1908 году в газету «Сибирская жизнь» зашел никому не известный автор с небольшой сказкой «Кедр», посвященной учителю Томской гимназии П. М. Вяткину по случаю 25-летия его педагогической деятельности. Автор назвал сказку символической... «Кедр, высокий, развесистый, мощный, с глубоко ушедшими в родную землю корнями, гордо стоял на поляне и шумел своей буйной, вечнозеленой хвоей...» И в тихие летние зори и в зимние холода слетались к нему птички со всех концов обширной поляны, смело садились в его пушистые хвои и пели ему песни... «Спасибо, спасибо, кедр... Кедр, ты справедлив... Мы тебя любим... Ты защищаешь нас... Ты учишь нас жизни... Спасибо, спасибо, кедр...»

Тридцатипятилетний техник, исследователь сибирских рек и сухопутных дорог Вячеслав

Гуманная гражданская деятельность начинающего писателя вызвала в те мрачные времена общее одобрение демократической интеллигенции Сибири. Газета «Жизнь Алтая» писала о рассказе «Помолились», прочитанном автором на вечере у географа и этнографа Сибири Г. Н. Потанина, что «Вяч. Шишков, этот скромный и малозаметный еще писатель, способен нежно и любовно взять читательскую душу и унести ее на далекий-далекий север Сибири, как ни один еще из русских писателей, побывавших в холодном изгнании, и показать не только грустные картины тайги и тундры, но и полудетскую душу обитателей их развернуть перед вами, как четко и крупно напечатанную книгу».

Первый маленький успех пробудил в технике Шишкова дремавшие под спудом творческие силы. Подбадриваемый искренними похвалами друзей, он все чаще урывками от службы занимается писательским трудом и одновременно пополнением своего образования. Скромный и весьма требовательный к себе, Шишков наконец решает послать свои вещи в Петербург, и вскоре в журнале «Заветъ» был напечатан рассказ из тунгусской жизни «Помолились».

Опубликование рассказа совпало с кратковременным визитом Шишкова в столицу. Имя нового писателя из Сибири было замечено в петербургских литературных кругах. Вячеслава Шишкова тепло принимают А. Ремизов, М. Пришвин, Р. Иванов-Разумник, популярные среди писателей издатели В. Милюков, М. Аверьянов. Вслед за рассказом «Помолились» в «Заветах» и в «Ежемесячном журнале» появляются рассказы «Суд скорый», «Ванька Хлюсти», «Чуйские были», «Кралья» и другие. Это было признание. Оно заставило Шишкова всерьез задуматься о своем дальнейшем пути.

В 1914 году, в один из очередных служебных приездов в Петербург, Вячеслав Шишков впервые встретился с М. Горьким, который знал о Шишкове и принял горячее уча-

стие в его литературной судьбе. Через год, когда Вячеслав Шишков представил ему на просмотр свою повесть «Тайга», посвященную жизни сибирской деревни, М. Горький внимательно ее прочитал и дал автору вдохновляющий и обнадеживающий ответ. «Дорогой Вячеслав Яковлевич! — писал Горький. — «Тайга» очень понравилась мне, и я поздравляю Вас, — это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы».

Доброе, дружеское напутствие Алексея Максимовича и опубликование «Тайги» в редактируемом им журнале «Летопись» имели решающее значение для дальнейшей творческой судьбы писателя. Вячеслав Шишков родился 3 октября 1873 года в старинном городе Бежецке, Тверской губернии (Калининская область), в небогатой купеческой семье. Еще в школьные годы Шишков увлекся русской литературой, пристрастился к чтению произведений классиков, полюбил русское слово, крылатые фразы и выражения и юношей, сам пока не представляя себе для чего, старательно их записывал, находясь на производственной практике в Новгородской и Вологодской губерниях. Сам он говорил позднее: «...Устремления к писательству у меня с юных лет, даже с детства». Казалось, многое предопределяло раннее становление его как писателя.

Однако судьба по-своему распорядилась его призванием и талантом. Как раз в те времена, когда Шишков учился в Бежецком городском училище, писал отличные сочинения, когда проявились его творческие способности, торговые дела отца, Якова Дмитриевича Шишкова, мелкого купца, пришли в упадок, он разорился и стал работать приказчиком у местных торговцев. Чтобы продолжить образование, Вячеслав должен был вопреки призыванию поступить в Вышневолоцкое техническое училище, потому что его ученикам предоставлялось общежитие и выплачивалась стипендия. По окончании технического училища Шишков, как старший сын, принимает на себя значительную долю забот о многочисленной семье, где он рос и воспитывался. Семья у Якова Дмитриевича была немалая. Кроме Вячеслава, еще два сына и две дочери, бабушка Елизавета Даниловна и родственница матери слепая старуха Федосья Ивановна...

В 1894 году, после прохождения производственной практики, в звании техника Вячеслав Шишков едет в Сибирь и поступает на работу

ТАЛАНТ, ОТДА

Шишков радовался, как ребенок, когда эта небольшая сказка была напечатана. Она отражала душевные настроения Шишкова, в ее символике были заложены его чувства, переживания и устремления. Ведь и сам Шишков, подобно могучему сибирскому кедрю, в первых же своих очерках и рассказах наперекор злым ветрам встал на защиту слабых и угнетенных...

Именно здесь, в Сибири, проходя и проезжая по необозримым просторам, по таежной глухомани, Шишков столкнулся с резкими социальными противоречиями самодержавия, он испытал всю глубину антагонизма между тружениками и эксплуататорами, между угнетенными малыми народами и царскими чиновниками. И здесь, в Сибири, он поднял свой голос в защиту трудящихся, в защиту таежных жителей — тунгусов, якутов, алтайцев...

Особая привязанность у него была к тунгусам. Он любил их за непосредственность и исключительную природную прозорливость, за их неоценимую и бескорыстную помощь, оказанную Шишкову и его товарищам в нелегкие дни скитаний по Нижней Тунгуске.

Всеми доступными средствами Вячеслав Шишков старался облегчить тяжелую участь этих «народов-пасынков», как их тогда называли в Сибири. В очерках и рассказах «Пасынки», «Помолились», «Суд скорый», «Холодный край» и других он разоблачал местных купцов и царских чиновников, наживавшихся на спайвании и обмане таежных охотников-следопытов, добывавших ценнейшего пушного зверя.

сти в его литературной судьбе. Через год, когда Вячеслав Шишков представил ему на просмотр свою повесть «Тайга», посвященную жизни сибирской деревни, М. Горький внимательно ее прочитал и дал автору вдохновляющий и обнадеживающий ответ. «Дорогой Вячеслав Яковлевич! — писал Горький. — «Тайга» очень понравилась мне, и я поздравляю Вас, — это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы».

Вячеслав Яковлевич с матерью и сестрой
Екатериной. 1900 год.

в Томский округ путей сообщения. Двадцать лет посвящает он подвижническому труду по исследованию сибирских рек и сухопутных дорог. Шишков проехал, проплыл, прошел пешком тысячи и тысячи километров, промерил, зарисовал на специальных картах Енисей, Иртыш, Обь, Лену, Бию, Катунь, Чулым, Ангару и Нижнюю Тунгуску (где он едва не погиб).

По его проекту, составленному в революционные годы, в советское время перестроен Чуйский тракт от города Бийска до границ Монголии.

Вячеслав Шишков, возглавляя многие экспедиции, долгое время жил и работал среди простого народа. В Сибирь собирались люди из разных губерний Центральной России. Сюда ехали малоземельные крестьяне, рабочие-строители, золотоискатели, здесь отбывали наказание уголовные преступники, жили политические ссыльные, селились притесняемые правительством и церковью старообрядцы и сектанты, бродяги и охотники за легкой наживой. Любопытный мир всевозможных характеров и человеческих судеб встретился на пути Вячеслава Шишкова. Он глубоко познал жизнь и быт сибиряков, полюбил народный образный, сочный язык. Сибирь он называл своей второй родиной. Здесь пробудилось и развилось его литературное дарование, закалилось гражданское мужество. «За одно сердце» жил он с людьми Сибири, поднимал в защиту их свой голос писателя и гражданина, борясь против царского гнета и насилия.

Только в 1915 году Вячеслав Шишков по-

В. Шишков за работой на Алтае. 1914 г.

НННЫЙ НАРОДУ

кидает Сибирь и переезжает на постоянное жительство в Петроград. Ему трудно было расстаться с этим чудесным краем, с городом Томском. В Сибири он близко сошелся с революционной молодежью, посещал студенческий кружок, тайные вечера с рефератами и диспутами, активно работал в составе президиума Научного общества по изучению Сибири, выступал с докладами в народных чтениях, на публичных вечерах, в литературном кружке. Он близок был с томскими профессорами Солнцевым, Вейнбергом, Зубашевым, Собо-

левым и другими, у него были личные друзья— писатели Анучин, Бахметьев, Г. Вяткин, Крутовский, Шаталов, его любил и уважал выдающийся исследователь Сибири и Монголии Г. Н. Потанин, который извещает об отъезде Вячеслава Шишкова встретил с большой горечью. «Это измена Сибири,— говорил он Шишкову.— Вы забудете Сибирь. Вы ей нужны. Она так бедна талантами!»

Около двух лет Вячеслав Шишков продолжает работать в Министерстве путей сообщения над проектом Чуйского тракта и попутно

пишет очерки и рассказы о Сибири: он не забыл ее. Теперь он часто встречается с М. Горьким, с другими писателями. С пристальным вниманием слушает рассказы Алексея Максимовича о странствиях по Руси, восхищается его глубоким знанием жизни народной. «Уходил я,— писал Шишков о своих посещениях Горького,— с переполненной впечатлениями головой... Душа насытилась до отказа. Я впервые встретился с таким мудрым рассказчиком...»

В 1917 году, когда Шишков, по его словам, «почувствовал и осознал себя полноправным членом и работником нового, молодого советского общества», он, не без помощи и влияния М. Горького, перешел к профессиональному литературному творчеству. Шишков настроен бурно и радостно, работает с большим подъемом. Он часто выступает со статьями и очерками, посылает корреспонденции в Томск, в газету «Сибирская жизнь», пишет рассказы и повести. Теперь уже деятельность литератора заполняет всю его жизнь. Вячеслав Яковлевич работает под руководством М. Горького в Обществе помощи писателям. Стремясь еще больше изучить жизнь народа, познать быт крестьян после Октябрьской революции, Шишков в 1918—1924 годах совершает несколько поездок по деревням и селам Петроградской, Тверской, Смоленской и Костромской губерний. Очерки, написанные в результате длительных странствий и наблюдений, печатались в «Правде», в других газетах и журналах, составили книгу под названием «Ржа-

В. Я. Шишков в экспедиционной партии на реке Бия. 1910 г.

ная Русь». «Первый раз,— писал Шишков в очерках,— иду по своей земле, по Российской Советской Республике, первый раз встречаю свободного мужика, русского республиканца... Мысли его у узелках, обрывках, как спутанные нитки... Ему надо все сразу, вот сейчас, как в сказке, и руку протянул— давай! История же награждает хорошей судьбой, может быть, только его потомство...».

Жизнь «кабинетного литератора» была чужда Шишкову. Он не засиживался дома. Он активно изучает новостройки, посещает индустриальные центры, сельскохозяйственные районы, глубоко знакомится с жизнью труженников городов и сел. Сталинградский тракторный завод, «Ростсельмаш» и совхоз «Гигант», Краснодар, Рыбинск, Ярославль, Пермь, Свердловск, Нижний Тагил, разработки калийных солей в Соликамске, Белое море— подъем ледокола «Садко», Усолье, Хибингорск, Беломорский канал, Севастополь, Одесса— вот далеко не полный перечень тех мест и событий, где побывал и чему был свидетелем Шишков. «Я никогда, ни на один день не представлял себе свои личные радости и горести, тем более писательскую свою судьбу,— вне судьбы народа»,— писал Шишков.

Благодаря постоянному общению с людьми, широкому знакомству с жизнью и бытом города и деревни, беседам с партийными и советскими работниками Вячеслав Шишков всегда был в курсе всех событий жизни народной. Это помогло ему написать рассказы «Свежий ветер», «Журавли», пьесы «Старый мир», «Мужичок», «Вихрь», «Грамотей» и другие, повесть «Пейптус-озеро» и более сотни Шутейных рассказов, в которых раскрылось незаурядное дарование его как юмориста. Отличаясь на важную инициативу советского общества— борьбу с беспризорностью, писатель посвящает этой теме большую повесть «Странники», замеченную и положительно оцененную Роменом Ролланом.

«За эти годы,— писал М. Горький В. Шишкову,— я читал в разных журналах Ваши очерки российской жизни и всегда, с благодарностью Вам, думал: как это бодро, надежно и как— поэтому— хорошо, нужно».

С 1920 по 1932 год Шишков пишет с большими перерывами свой знаменитый роман «Угрюм-река». Выход в свет в 1933 году романа-эпопеи явился заметной вехой в творческой жизни Шишкова, в развитии советской литературы.

Созданию романа автор придавал величайшее значение: «Эта работа, может быть, та самая, зачем я послан в жизнь». По словам Шишкова, «главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, вокруг которого вихряются орбиты судеб многочисленных лиц,— это капитал со всем его специфическим запахом и отрицательными сторонами. Он растет вглубь, ввысь, во все стороны, развивается, крепнет и, достигнув предела могущества, рушится. Его кажущуюся твердую подтачивают и валют нарастающее самознание рабочих, первые шаги их борьбы с капиталом, а также неизбежное стечение всевозможных обстоятельств, вызванных к жизни самими свойствами капитала».

Широчайшее по охвату событий произведение охватило все, что писатель пережил и переувещивал за многолетние сибирские годы, годы исследователя и землепроходца.

«В этой книге Шишков,— писал К. Федин,— проявил все стороны большого русского бытописателя, и когда наш читатель захочет заглянуть в глубины глубин истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова».

Роман «Угрюм-река» волнует душу читателей не одного поколения, разных по уровню развития и культуры.

«Всеми цветами радуги блистает Ваш чудосамоецвет «Угрюм-река», в котором с мастерством большого художника Вами создана целая галерея портретов, полотен жизни и правды. Это творение могло родиться только у мастера, который прошел прямым путем свой творческий путь, который за своими плечами имеет большой жизненный опыт, любит свой народ и все свои богатства большой души и чистого сердца отдает ему безраздельно»,— писали Шишкову во время войны старшие офицеры-фронтовики тт. Иванов, Зотов, Белов.

28 сентября текущего года исполнилось двести лет с того дня, когда началась антифеодальная крестьянская война под водительством донского казака Емельяна Ивановича Пугачева, которую с большим искусством, исторически достоверно отобразил Вячеслав Шишков в знаменитой эпопее. Он приступил к созданию «Емельяна Пугачева» в 1935 году и работал над ним до последнего дня своей жизни. Только такому всестороннему знатоку русской истории, народной жизни, обычаев, языка, великолепному мастеру слова, каким был Вячеслав Шишков, по силам стало воплотить в жанре художественного повествования борьбу народов России со своими угнетателями.

Кто только не проходит перед взором читателя в этом романе, начиная от самого Емельяна Пугачева с его ближайшими соратниками, а также Фридриха II, Петра III, Екатерины II с ее вельможами и полководцами и кончая купчихой—«прохиндеем», ухитрившимся потребовать у Пугачева старую задолженность Петра III за поставлявшиеся к его двору продукты!

Вячеслав Шишков с любовью, изумительной настойчивостью и последовательностью работал над образом Емельяна Пугачева. Он вешивал каждый поступок, каждое движение души этого талантливого руководителя крестьянских масс, советовался со своими друзьями, с учеными, специалистами по русской истории XVIII века, высказывая свои мысли о политической и стратегической одаренности Емельяна Пугачева и о его слабости, о его идеалах и устремлениях.

Шишков воплотил в образе Емельяна Пугачева многие выдающиеся черты русского характера. Богатырская удаля сочетается в нем с ярким природным умом, сильной волей, мудрой народной сметкой; сердечность и простодушие— с беспощадностью и твердостью характера, когда дело касалось помещиков-угнетателей...

«Да, он, Емельян,— писал Шишков,— добродетельный человек получается, он, несомненно, таким и был. Милостью своей подкупал народ, силой воли всех держал в руках, искусством воевать побеждал царичьи генералы».

Прекрасен и ярок язык повествования. Образная речь, лукавый юмор, пословицы и поговорки— все это изобилует в «Емельяне Пугачеве». Здесь, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом своем произведении, автор окупнулся в безбрежную стихию родного языка.

В. Я. Шишков всегда был близок к народу, жил с ним в постоянном общении, глубоко верил в его силы и разум. Он вместе с ним прошел все испытания. Радовался его успехам и переносил с ним трудности и беды. Так он поступал в годы своих странствий по Сибири. В октябрьские дни 1917 года он приветствовал социалистическую революцию, положившую начало новой жизни...

Когда на нашу Родину напал коварный и жестокий враг, наступили тяжелые дни Великой Отечественной войны, Вячеслав Шишков не покинул свой город. Пока были силы, он оставался в осажденном Ленинграде и всеми доступными средствами вместе с воинами и жителями города боролся против захватчиков.

Среди писателей, оставшихся в осажденном городе, он был старейшим. Своими статьями, очерками, рассказами, выступлениями по радио, чтением своих произведений Шишков старался помочь защитникам города Ленина, разделить с ними тяжесть их борьбы.

Он пишет очерки «Слава русского оружия», «Партизан Денис Давыдов» и другие. Не оставлял без внимания и свое любимое детище— «Емельяна Пугачева», не забывая всякий раз захватывать с собой рукопись в бомбоубежище. «Вячеслав Яковлевич в суровые дни блокады являлся мужественным защитником Ленинграда»,— пишет С. Спасский.— В частности, для фронтовой газеты «На страже Родины» он писал глубоко патристические рассказы, которые пользовались большой любовью в армии. В те незабывае-

мые дни дойти до редакции составляло уже немалый труд. Однако Вячеслав Яковлевич всегда в срок появлялся в промерзших редакционных кабинетах и приносил свой очередной рассказ. «Наша, черт побери, возмет!»— так говорил Шишков своим друзьям— ленинградским писателям. Волей, спокойствием и непреклонной верой в победу веяло от всего его облика».

Две зимы— 1941 и 1942 годов— Шишков вместе с семьей жил и трудился в Ленинграде. Он стойко переносил все невзгоды. Тяжелая обстановка осажденного города, подходивший к концу седьмой десяток лет не могли не сказаться на здоровье Вячеслава Яковлевича. По настоянию друзей он наконец согласился выехать из Ленинграда. Первого апреля Шишков навсегда покинул любимый город и 15-го числа того же месяца вместе с семьей прибыл в Москву.

В столице Вячеслав Яковлевич продолжал работать над второй и третьей книгами «Емельяна Пугачева», написал повесть «Прохиндей», 14 рассказов на фронтовые темы, вышедших отдельной книгой «Гордая фамилия». Несмотря на подорванное блокадой здоровье, Шишков выполнял большую общественную работу. Выступал по радио, в госпиталях, на литературных вечерах с чтением своих произведений, вел активную переписку с начинающими писателями, помогая им своими советами, своим опытом; выступил с речью на открытии в Ясной Поляне музея Льва Толстого.

Патристические рассказы В. Шишкова, его книги, написанные просто и доходчиво, в которых героями выступали люди сибирской заправки, с большим удовлетворением читались на фронтах Отечественной войны, на предприятиях, в колхозах и совхозах.

Читатели в своих письмах выражали Шишкову сердечную благодарность за его рассказы, за его романы и повествования, помогающие им в ратных и трудовых подвигах. «Здесь, на фронте,— пишет 22 декабря 1942 года красноармеец Михаил Дмитриевич Клопин,— я с удовольствием прочитал Ваши очерки и рассказы на материале из Отечественной войны: «Советские Сусанины», «Клятва на горе», «Гость из Сибири» и другие... И мне хочется выразить дорогому автору свои чувства восхищения, признательности и благодарности. Нам приятно и отрадно сознавать, что вместе с нами силами художественных средств, острым пером и каленым словом громят и бьют ненавистного врага товарищи писатели. И в шеренге их Вы, старейший и почтеннейший воин!»

Коммунистическая партия и Советское правительство по достоинству оценили литературную и общественную деятельность Вячеслава Яковлевича Шишкова. В день своего семидесятилетия он был награжден высшей наградой Родины— орденом Ленина. Ранее он был награжден орденом «Знак Почета», украшала его грудь и медаль «За оборону Ленинграда». За роман-эпопею «Емельян Пугачев» Вячеславу Шишкову посмертно, в 1946 году, была присуждена Государственная премия первой степени.

Вячеслав Яковлевич Шишков принадлежал к старшему поколению советских писателей, начавших литературную деятельность еще до Октябрьской революции, по своим демократическим и литературно-эстетическим воззрениям стоявших на позициях М. Горького, который сыграл выдающуюся роль в воспитании целого поколения советских литераторов.

Среди рабочих, крестьян, писателей, деятелей науки и искусства у Вячеслава Яковлевича, человека по натуре доброго и общительного, было много близких друзей. В общении с писателями, деятелями искусства, работниками издательства и журналов, со своими многочисленными читателями Вячеслав Шишков был неизменно сердечен, полон внутреннего благородства. Все, что его знал, никогда не забудут мягкую и добродушную шишковскую улыбку, слегка прищуренные, с веселыми искорками глаза. Таким он был в своих подвижнических делах в освоении Сибири, таким он прошел свой славный путь художника слова, начав с маленькой сказки «Кедр», небольшого рассказа «Помолились» и закончив его величественной эпопеей «Емельян Пугачев».

В. Я. Шишков в селе Никольском, под Москвой, 1927 г.

В тайге. Нижняя Тунгуска. 1911 г.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

В. Я. Шишков — А. М. Ремизову
Москва, 6 апреля 1913 г.

Дорогой Алексей Михайлович! Завтра утром уеду к Троице-Сергию на дачку или на два. От матушки-Москвы устал, сапоги порвал бегавши, жара здесь: все зеленеет, цветы цветут, солнце ясное, белое, а по ночам над Кремлем месяц стоит.

Я люблю Москву: какими большими веками пахнет от ее кремлевских стен и храмов, каждый камушек свою историю имеет, каждый камушек простарину рассказать может, прислушайся только да сумеи понять. Так бы и повалился на землю, да и поцеловал бы кремлевский каменный помост. Но кругом солдаты караулят, народ, полиция — в участок заберут.

Был я у Ивана Алексеевича, он, кажется, недурной человек. У Балтрушайтиса был: добыл мне нонтрамарну в Художественный. Великолепно играли Мольтера. «Лимонарь» он заказал в Златоусте. Ему скоро приплот. В Деловом дворе был на выставке и в Чудовом монастыре — на другой день, там купил Вам книгу, фототипический снимок с летописи Германа-Патриарха...

У Незлобина Идута и Псишу видел, а у Зимина слушал Марию Гай в Кармен. Да еще был на вечеру русской песни: старинные былины, прогосные и свадебные песни исполняли, на гуслях играли. Все это очень понравилось.

Сегодня на Воробьевы горы ездил. То-то хорош вид...

Верное гуляние меня поразило: столько крику, писку, толкотни, такой гам стоит, что, кажется, в Сибирь слышно. Забрался я на Лобное место, смотрю на всю громкоголосую жизнь возле, да и думаю: «А ведь на этом Лобном месте Лжедмитрия когда-то растерзали, новгородцев Грозный избивал, Петр стрельцов велал».

Еще посылаю «У превышне-

го места». Этот рассказ принят в сборник Писателей. Рассказ раньше большой был, да мы его с Михаил. Вас. Аверьяновым вдвое сократили. Боже мой! А ведь я совершенно забыл Ваше поручение сходить к мошеннику, который хочет зажить Ваш рассказ. Ведь Балтрушайтис знает об этом, что ж он не напомнил мне. Может, Вы ему поручите? Ай-яй-яй... Памяти у меня ни на грош.

Милой Серафиме Павловне шлю большущий привет. Ее любовь к бисерным штучкам помню: из Томска, бог даст, приплот тунгусское.

Как Михаила Ивановича встретьте — передайте, пожалуйста, мой привет, Разумнику Васильичу тоже.

Адрес мой теперь будет (до 20 апреля) г. Бежецк, Тверской губ. Ежели б пожелали обрадовать хорошенькой о Вас весточкой, — надо туда писать, а потом в Томск, Управление Округа Путей сообщения.

Пока прочтайте, мои хорошие, мои дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович...
Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — С. П. и
А. М. Ремизовым
Томск, 30 января 1914 г.

Дорогие мои Серафима Павловна и Алексей Михайлович, здравствуйте!

Давно не писал я Вам. Стосновался. И сердце и глаза по Вас стосновались, хоть бы на портреты Ваши посмотреть, а нету.

Ваш-то, Алексея-то Михайловича, есть в книге, а вот Серафимы Павловны — не имеется. Очень радостно было иметь два, настоящих.

Здоровьишко мое пошатнулось, захромало сильно: с ногой пришел к доктору, а он на ногу плюнул, зато в легких (правом) нашел неперядок, вроде начала туберкулеза. Я очень удивился. И не подозревал. К профессору думаю обратиться. Если плохи дела, надо куда-ни-

будь на солнышко ехать месяца на четыре... Видимо, надорвал себя писанием: все по ночам, да по ночам. Да и темнотой у меня не особенно веселье — страдать душой приходится, все переживать самому, чтоб ясно и отчетливо было видно чужое страдание, чтоб пересказать его ясно бумаге...

А кроме своей болезни — еще в придачу моя мать умирает в Питере, в больнице. У нее зоб, да должно быть, в раковую опухоль перешел. Лечат лучами. Отец ее, мату-то, привез из Бежецка. Пишет, что легче матери. А сердцем-то я чувствую, что нет.

Дорогой мой Алексей Михайлович! Все, нет, не все, а некоторые Ваши последние рассказы читал и в «Дне» и в «Речи»... и в Русск. Мысли и в «Еж. Ж.» — все zelo добро. «Бабинька» — очень хороша. Сказки в «Докуме и балагурьи» — одна благодать. Спасибо Вам за эту прекрасную книгу-подарок. Надо о ней написать в газету С. Ж. Критик-то я только аховый. Судьба сб. «Сирин» меня очень занимает. Каково они идут? Мне кажется, что издание «Сирин» скупится на рекламу, на объявление. В наш век это неизбежно.

«Петербург» — Белого мне нравится своей глубиной, своей местами яркостью, но слишком он рыхло написан, соку мало, какой-то снегу-подобный. Бывало, как шли мы зимой по тайге, ручей нет, и вот как чай кипятишь, нагребут тунгусы полный котел снегу, да на огонь — растает снег — и водичка на донишке. Так и «Петербург».

О себе снажу. Свою повесть кончил. Поделив ее на пять порций, начал чтение у Потанина, потом всей толпой ходил из дома в дом полторы недели. Закончил у себя. Тут же была мне и критика. Народу 25 чел. слушало: профессора, доктора, адвокаты, два художника и прочая публика. Понравилось. Изображен самосуд та-

ежной деревни над бродягами, вообще «темная» изображена деревня, власть тайги.

Ну, прочтайте, дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

Жду от Вас весточки. Любящий Вас крепко

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — А. М. Ремизову
Село Толучее, 5 июля 1914 г.

Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна!

Здравствуйте! Приветствую Вас с Алтая, из с. Толучего, что у подножья Семинского перевала. Путешествую со своим милым петербургским другом, Ксенией Михайловной Жихаревой. Теперь приходится много ездить, организовывать работы в две партии: одна партия будет работать в долине красавицы Катунь, другая — в долине Чуи.

Алтай очень хорош. Я давно любил его. Хочется воспеть его, прославить, но где мне взять звучных струн, где взять мощь и красоту слова... Спутница моя, выдавшая полсвета, в восторге от диного величепия Алтайских гор, от звонких ручьев, шумливых рен, от зеленых, цветистых долин и венных лесов. Как жаль, что Вы не с нами. Мы 2 дня жили в Аносе, в доме у художника Гуркина. Что за чудесный уголок, весь в зеленом саду утопает, через него ручеек каскадами переливается. Выйдешь ночью — небо синее, в крупных звездах, вдали грохочет Катунь и спят черными громадами горы. Если Вы соберетесь на будущий год посетить Катунь, вся стать пожить Вам в Аносе. Отсюда можно делать экскурсион в долины алтайцев, пока еще шаманствующих. А вот мне на будущее лето придется, вероятно, опять ехать на Н. Тунгуску, к своим милым тунгусам.

Я предполагаю, что с осени до весны буду жить в Питере, там убернее составять проект по переустройству Чуйского

тракта. Вот было бы хорошо. Если это осуществится, безмерно буду счастлив часто видеть Вас. Дорогие мои друзья!

Большое спасибо Вам, Алексею Михайловичу, за открытку из Рима...

Погода очень хорошая установилась, а как ехали, два раза грозу перенесли и в 8 часов под дождем пробили — вымокли до нитки, на земской станции русскую пещ затопили, обогрелись как следует.

Работы ночью затянута надолго, пожалуй, октября придется хватить.

Повесть свою закончил. Пристройте куда — не знаю. «Суд скорый» напечатал в номере 3 (второе издание) «Заветов».

На Алтае за лето думаю начарапать рассказ листа в 2 — необходимо для моей первой книжки, ночью буду издавать.

Крепко Вас люблю, крепко целую

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — А. М. Ремизову

Томск. 18 марта 1915 г.

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! Великолепное «Весеннее пороше» и Ваши «Мысли» получили. Большое Вам, от всего сердца, спасибо. С «Порошем» наполовину я был знаком по журналам, а вторую книжку впервые вижу. И я Вам кой-что собираюсь послать либо сам привезу. Есть у меня усердие переселиться в Питер, засеть как следует там за работу, поучиться уму-разуму...

«Война» здесь чувствуется слабо. Только огромное число пленных да песни марширующих по городу серых наших солдатиков несколько о ней напоминают. Да еще христородавцы купчишки наши вздули цены донельзя.

Вот он, внутренний враг наш. Был бы богатырь, взял бы дубину, расплющил бы, в ступе истолбил бы всех этих разбойников.

Война кошмаром висит над землей. И бог и дьявол отвернулись от земли, такие кругом подлость и разбой.

И если не предчувствуете чего-то хорошего, что будет вскоре, можно б было сплести с ума. А гром грянуть должен. Ну, будьте здоровы, дорогие и милые.

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — М. М. Шапской

Детское Село. 26 июля 1936 г.

Дорогая Мария Михайловна! Так это Вы оказывается, посылаете по моему адресу? Рад бы радехонке приехать в Хабаровск, да грехи не пускают. Вы ведь знаете, как я люблю Сибирь, вторую и главную мою родину. Большинство моих произведений посвящено этой очаровательной стране и ее замечательным, трудолюбивым, честным людям. Но меня схватили за бороду и за волосы всечестные литературные дела-делишки, дернат крепко.

Сейчас закончил черные сценарий «Бешеное золото». С ним предстоит масса возни: поездка вместе с режиссером Минкиным в Москву на совет и Серебровскому, затем чтение на фабрике «Ленфильм», затем поправки, переделки, споры, чертовщина. Все это порядочно выматает нервы. Для отдохновения проедусь с женой по Волге и Белой до Уфы и обратно, истати, посмотрю мельком пугачевские кой-какие места.

Вместе со сценарием приходится выхлестать и над «Садко». Трехлистовая рукопись давно сдана в Москву, но А. П. Тихонов, сообщая мне в письме, что читали-де мой очерк в слух всей редакцией, что очерк-де очень понравился, просит уточнить и дополнить некоторые места рукописи. Придется соби-

рать совещание участников подъема «Садко», а Ф. И. Крылова нет, дело усложняется.

Кроме сего, я ввалился на свои слабые плечи груз непомерной тяжести — большой роман «Емельян Пугачев». Написано порядочно, около 1/3, но читатель и М. А. Орлов торопят — давай, давай!

Я с особой радостью прочел строки Вашего письма, где Вы сообщаете: «Здесь Вас знают, любят». Что может быть на свете приятнее такого известия! Передайте мою ответную признательность товарищам Алексееву и Лаврентьеву и всем моим писателям ДВН.

На будущий год, как я уже сообщил Союзу писателей, постараюсь приехать в Хабаровск в гости к своим сибирским друзьям.

Был бы рад получить книжки молодых сибиряков, хотелось бы ознакомиться с их силами. Иркутан я знаю — талантливых Исаака Гольберга и Петра Петрова, а дальневосточников знаю только понаслышке.

Желаю успеха в Ваших работах: Вы, как всегда, талантливы и уминцы!

До свиданья!

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — А. К. Виноградову

г. Пушкин. 1938 г.

Дорогой Анатолий Корнелиевич! Ваше письмо получил. Письмо грустное и тревожное.

С Вашим талантом сложа руки сидеть нельзя. Надо как-то барахтаться, защищаться, лезть наружу. Надо заявить о себе, надо кричать: «Аз есмь».

Я советовал бы Вам покрепче познакомиться с К. А. Фединым, он мой друг и человек замечательный, отзывчивый. Поговорили бы с ним. Если желаете, я Федину о Вас напишу. Вы только сообщите мне о своем желании познакомиться с Конст. Александровичем.

Могу Вас свести с Алекс. Ник. Толстым, давнишним моим знакомцем по городу Пушкину, где он жил. Ежели добраться до его сердца — его сердце тоже отзывчивое.

Я ведь тоже весь в занозах, весь в фонарях от критики. Вот и недавно, летом, Миронов и Малахов ругали за Пугачева, обнаружив при этом полное их незнание истории, а я все-таки работаю, работаю для советского читателя...

Спасибо Вам, дорогой Анатолий Корнелиевич, что своевременно заступились за меня перед Авербахом. А ведь я об этом и не знал и не чаял этого! Итан, будьте бодрей, коллеги! Помните своего Паганини, уж то ли был не Иов многострадальней, а работал! Для него организованный звук стихия, а для нас с Вами — слово.

Горячо уважающий Вас

Ваш Вяч. Шишков.

Р. S. Когда буду в Москве — позвоню Вам.

В. Я. Шишков — К. А. Федину

г. Пушкин. 3 февраля 1938 г.

Дорогие наши Костенька, Дорочка, Ниночка, здравия всем Вам все мы желаем!

Спасибо, Костенька, за письмо. Очень рад, что ты с супругицей хорошо и весело проводишь время в Тифлисе и его окрестностях. Вот мало-мало разгрузись с делами, которых уйма, и тоже займись осмотром навказских разных див.

Присылаю тебе вырезку из киевской «Пролет. правды», в этом номере как раз и мой очерк из «Пугачева». Ты вышел хорошо. А украинский язык звучит в отрывке выразительно и сочно: «Натьну — геть! Наследника — геть!»

Ну, как живешь, что пишешь? Ежели вышла твоя книжка, как ты был антером, пришли, пожа-

луйста, а я тебе не премину посылать свои книжки, как только выйдут. (У меня гостит твоя книжка о раскольничьих сиктах.)

Я работаю очень много и сам удивляюсь, как у меня, при таких годах прекрасных, хватает сил. Литфонд, выступления на вечерах, пушкинское общество (член правления), с «Пугачевым» страшно торопят журнал и издательство, статьики в газетах и прочие дела.

Да еще какой-то чудак композитор задумал написать оперу на «Угрюм-реку», просит либретто. Нет, тут с ума сойдемся!

А статья в «Известиях», подписанная моим именем, действительно моя статья, только сокращенная редакцией процентов на 40, в отброс пошло весьма нужное, осталось то, что общезвестно. Немножко обидно!

У нас сейчас ясный, ясный весенний день, с крылатым тучет, надо бы погулять, а жалко время. Кашилю. А вчера возили меня в санаторию к Орловским воротам на чтение. Видел Ирину Мансинову, она там библиотечаршей, тоже кашилу и похудела. Шлет поклон тебе.

В театрах еще ни разу не был. Вот сегодня у нас в клубе симфонический оркестр Филармонии исполняет Пятую симфонию Шостаковича — и тоже не поеду, одна Илавица направляется туда.

Алексей Николаевич, по приезде его из Москвы, еще не видел, только по телефону говорил. Уедет он от нас в апреле. Очень жаль!

«Хлеб» еще не читал. Зато предстоит экстренное рассмотрение юнца «9 точек» Козанова — избран комиссия, в которой и я — печатать или не печатать? (Толстой, Тынянов, Зощенко, Шишков.)

Собираемся мы в Москву, только не раньше марта. Тогда обязательно придет пить чай

Ну, еще раз обнимаю тебя и всех Вас все мы.

Любящий тебя

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — А. К. Виноградову

г. Пушкин, 12 августа 1939 г.

Дорогой Анатолий Корнелиевич! Одно за другим получил от Вас два письма. Вы явно преувеличиваете мои литфондовские, по Москве, возможности. Я уже говорил Вам, что я никакое отношения и московскому Литфонду не имею, я лишь член Правления Литфонда СССР, что одно и то же.

В Московском Литфонде решаются дела 800 московских писателей, в Литфонде (Правлении) СССР — общесоюзные дела отделений: московского, ленинградского, украинского, грузинского, белорусского и т. д.

Для решения общесоюзных и ленинградских литфондовских дел я обязан быть в Москве раз в три месяца.

С Новиковым И. А. я знаком плохо. Встречался 25 лет тому назад: мы с А. М. Ремизовым были у него на квартире в Москве, а другой раз встретились в Пушкинских горах, у могилы великого Пушкина.

Поэтому и мое письмо, которое я сегодня направляю ему о Вас, вряд ли будет иметь никакой, даже слабый успех. Да в письме много-то и не напишешь. Другое дело, если б Вы повиделись с Новиковым и убедили б его в неотложной необходимости помочь Вам, или, если не можете сами, послали бы на заседание правления своего товарища, который мог бы защитить Ваши интересы.

Вы большой счастливчик, что видели, да и не один раз, и не мимоходом, Льва Толстого. Я его видел только во сне, и говорил с ним. Для меня он — легенда. Как и Пушкин.

На ближайших днях из города я уезжаю на месяц полтора-два. А куда, еще не знаю: в Нисловодск или Гаспру. Поездка по Волге, Каме, Белой до Уфы и обратно отложена. Обязательства почти всегда идут в разрез с намерениями.

До свиданья. Поправляйтесь. Заседания Моск. Литфонда происходят каждые 1, 10, 20 числа.

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — М. Б. Храпченко

Москва. 12 сентября 1943 г.

Дорогой Михаил Борисович! Во-первых, позвольте поблагодарить Вас за Ваши хлопоты по предостережению моего места в Архангельском. Я еду туда 13 сентября.

Во-вторых, речь о композиторе Андрее Филипповиче Пашенко. Он, как Вы знаете, человек весьма талантливый, но чрезвычайно скромный. Излишняя же натуральная скромность, если она остается не оцененной, а носитель ее — не облаченным, она всякому человеку, особенно же одаренному, в явном ущербе.

Пашенко живет в провинции, терпит большие лишения, он почти забыт, никому нет до него дела. В августе этого года ему исполнилось 60 лет, а в прошлом феврале — 30 лет его композиторской деятельности, а кто об этом вспомнил? Никто. На службе у композитора — обидно, нехороший осадок. Многие композиторы награждены орденами. Пашенко — до сих пор — нет. Обида? Обида!

А ведь он композитор хороший, из первого десятка его не выкинешь. Талант его яркий, солнечный, с умным юмором. Взять хотя бы чудесную, веселую и острую его оперу «Помладурь». Ведь он автор многих опер, восьми симфоний и прочих крупных произведений, автор замечательных хоровых ансамблевых песен, сканен, «Вниз по матушке по Волге» и др. Почему-то эти песни у нас не исполняются. Андрей Филиппович необычайно трудолюбивый и хороший товарищ. Я знаю его давно по Ленинграду. Во время жесточайшей блокады (мы тогда жили с ним в одном доме, он в тяжелых условиях, голодный и холодный, ежедневно продолжал работать. К довершению невзгод, он лишился жены, надорвавшей свои силы в Ленинграде.

Дорогой Михаил Борисович! Моя к Вам глубочайшая просьба: сделайте милость, возьмите под свое покровительство этого недооцененного человека. Ваше участие в его судьбе будет для него в радость, а советскому искусству — в немалую пользу.

Пишу Вам просто, ибо знаю, что Вы ко всему хорошему отзывчивы.

С глубоким и Вам уважением

Вяч. Шишков.

ПРИМЕЧАНИЯ.

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877—1957) — русский писатель. Ремизова-Довгелло С. П. — жена А. М. Ремизова.

ШАПАЦКАЯ Мария Михайловна (1891—1952) — советская писательница, поэтесса и очеркистка.

ВИНОГРАДОВ Анатолий Корнелиевич (1888—1948) — русский советский писатель, автор книг «Три цвета времени», «Обсуждение Паганини», «Черный искусь» и др.

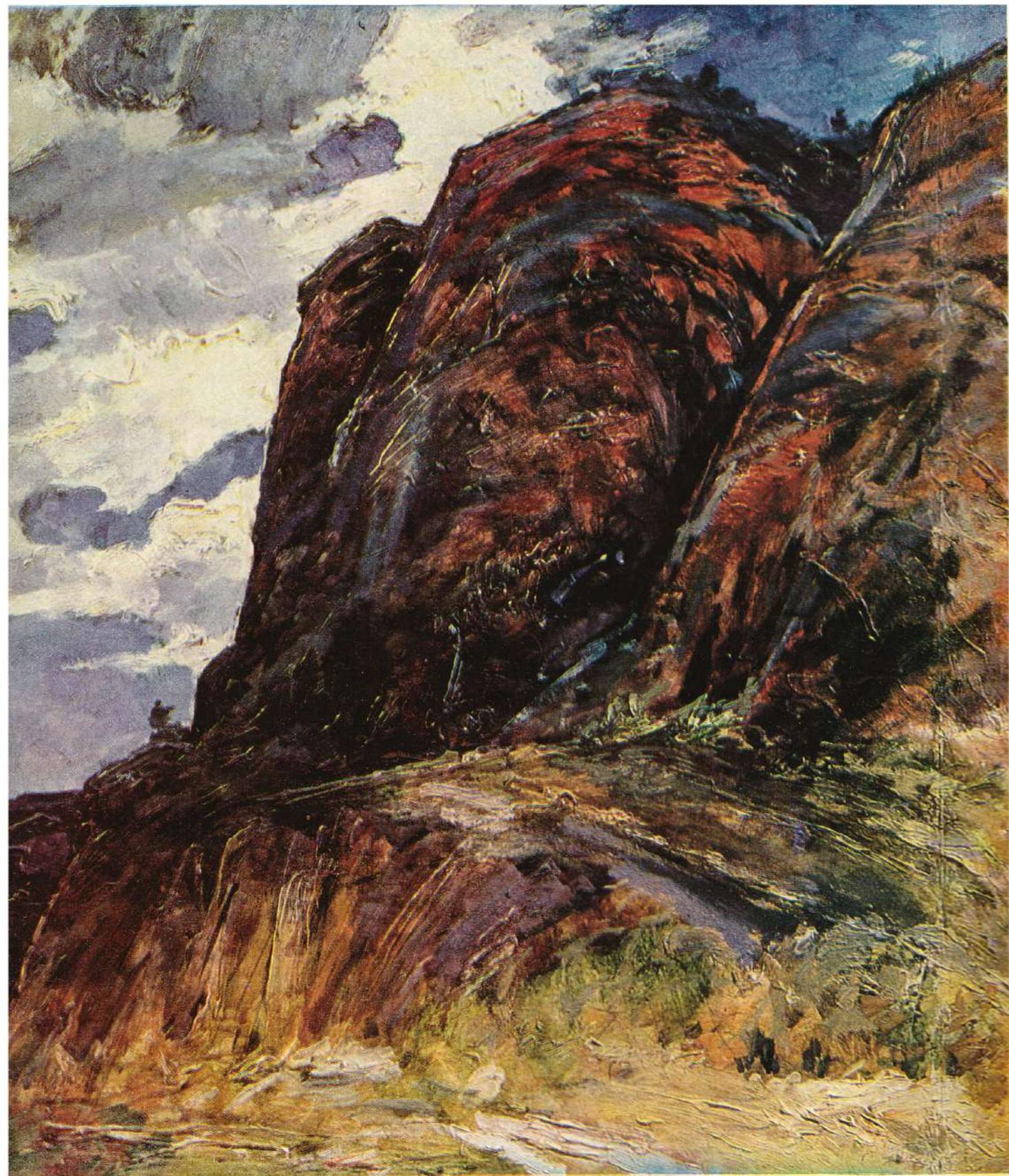
ХРАПЧЕНКО Михаил Борисович (р. 1904) — литературовед, критик. В 1943 году — председатель Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР. Иные действительный член Академии наук СССР, академик-секретарь отделения литературы и языка Академии наук СССР.

Ю. Титов. СИБИРЬ УШЕДШАЯ.

УГРЮМ-РЕКА.

Ю. ТИТОВ. КРАСНЫЙ ЯР.

© 2000-2001, Ю. Титов. Все права защищены. М. 2001

14

Фото Г. РОЗОВА.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ МУЗЕЙ

Когда у людей праздник — словно сама природа принаряжается в такой день.

17 сентября в далеком сибирском селе Ербогачен был праздник сразу у сотен людей: открылся музей известного советского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова.

Ербогачен стоит на Нижней Тунгуске — это та самая Угрюм-река, и именно здесь знают и помнят до сих пор живого Шишкова, именно здесь нет человека, не прочитавшего этот роман. Конечно, открывавшийся в селе музей Шишкова для ербогаченцев не просто музей — это история края, история глубокая, правдивая, рассказанная искренне и талантливо.

Жители Ербогачена давно готовились к знаменательному дню: весь район знал о сборе материалов для музея, о восстановлении дома, в котором жил Вячеслав Яковлевич. Накануне события в район выехала бригада, в составе которой были писатели Москвы, Иркутской области, Читы, Красноярска, корреспонденты газет и журналов, работники телевидения.

Во многих поселках Катангского района прошли искренне-теплые, радушные встречи жителей сурового края с поэтами, писателями, журналистами. Говорилось о предстоящем открытии музея, о Шишкове, о героях «Угрюмки», о новой, сегодняшней Катанге.

В Наканно, в Неле, в Преображенке, в других селах, кроме официальных встреч, состоялись творческие вечера, концерты самодеятельности.

Днем 17 сентября, накануне торжественного открытия музея, гости Ербогачена собрались в кабинете первого секретаря Катангского РК КПСС Г. П. Масягина, который рассказал о

районе, об основном занятии местного населения — охоте, добыче «мягкого золота», познакомил членов творческой делегации с планами по добыче пушнины.

А в это время ербогаченцы понемногу сходились к реке, к бывшей Набережной улице, которая стала отныне по решению исполкома местного Совета именоваться улицей Вячеслава Шишкова. Сходились на площадь к дому № 1, закрытому пока, с вывеской — «Музей В. Я. Шишкова».

Хорошая, теплая погода, величавая река. Золотая, искристая под солнцем тайга. Праздник. На трибуне большой портрет писателя. Проходя, поднимаются на трибуну гости, партийные, советские руководители района, почетные жители поселка.

Торжественный митинг открывает секретарь РК КПСС, председатель Оргкомитета по организации музея М. А. Колесников. Он говорит о славной истории края, о том, что на Катанге нет пока шоссейных дорог и многоэтажных домов, но есть прекрасные, мужественные люди, и тем приятней сегодня среди необозримой тайги открывать музей писателя, человека, гражданина, ссызачала узнавшего быт и жизнь местных жителей, сумевшего разглядеть в забытых «тунгусах» сильных и больших людей, увидеть и предсказать процветание края, счастливую жизнь.

«Посмотрите, сколько людей к нам приехало, — говорит старейший житель Ербогачена пенсионер-орденоносец И. А. Ленский. — Мы, жители Ербогачена, поздравляем весь район с обретением музея. Берегите же богатство Катанги, берегите вторую родину русского писателя».

Зачитываются телеграммы, поступившие в адрес района. Из Бежецка — родины писателя, от вдовы Шишкова Клавдии Михайловны Шишковой.

Пришла телеграмма от заслуженного художника РСФСР Юрия Титова, в которой говорится, что некоторые из своих работ, выполненных на Нижней Тунгуске, художник предоставляет в дар музею В. Я. Шишкова.

С заключительным словом выступает первый секретарь РК КПСС Г. П. Масягин, который говорит о большой работе, проделанной местными краеведами, руководителем литературного кружка по изучению творчества В. Шишкова Д. П. Ждановой, и еще раз поздравляет тружеников района с открытием музея.

Ленточку у входа разрезает старейшая жительница села, почетный гражданин Ербогачена Анастасия Кирилловна Юрьева.

Просторный, рубленый в паз дом. На стенах документы, фотографии, предметы быта и жизни звенков, оружие, одежда, утварь. В отдельной комнате воссоздан интерьер старинной сибирской избы. В такой обстановке работал тут Шишков, в таком доме слушал он старинные песни.

Открытие музея вылилось в большой литературный праздник. Вечером, когда над Тунгуской засветились огни, в клубе состоялся концерт, посвященный 100-летию со дня рождения писателя.

В. РЕШЕТНИКОВ

Катангский район,
село Ербогачен
(по телефону).